

Пролог.

Кровь выступила сперва огромной тёмной каплей, похожей на спелую вишню, которая сорвалась вниз, в латунный таз, а потом заструилась по руке тонким ручейком.

Лекарь, молодой парнишка с выбритой тонзурой, спешно вытер окровавленный ланцет и уставился на бегущую из вены кровь. Я его понимал, я тоже всегда любил наблюдать, как человек истекает кровью. Есть в этом что-то завораживающее. Я и сам пристально глядел, как бежит по руке тёмный спокойный поток, глухо капая с пальцев в подставленный таз.

— Гуморы следует привести в равновесие, — забормотал мальчишка, который, несмотря на возраст, делал всё ловко и умело.

Хотя другого я бы и не допустил к себе. Плохой лекарь может навредить сильнее, чем целая сотня врагов. Этот был хорошим, пусть и читал молитвы на латыни всякий раз перед тем, как приступить к делу. Но это я мог ему простить. Мои собственные молитвы и заговоры перестали помогать.

Меня зовут Сигурд. Я носил много имён, но теперь ношу данное мне матерью при рождении. К старости я стал сентиментален.

— Конунг, дайте мне руку, — произнёс лекарь.

Льстит, шельмец. Я всего лишь ярл на этом клочке земли в Северном море.

Я протянул ему окровавленную ладонь. Пальцы дрожали. Раньше мои руки были покрыты мозолями от весла и топора, теперь же — только морщинами и чернильными пятнами.

Лекарь остановил кровь и принялся вытирать кожу. После кровопускания слегка кружилась голова, но мне казалось, что я стал себя чувствовать лучше. С каждым днём смерть подбиралась всё ближе.

Всеотец дал мне всё, о чём я только мог просить. Но хитрый ас всё равно меня обманул, лишив самого ценного — славной смерти в бою.

Может, оттого, что моя мать была ведьмой. Хотя тогда, в детстве, наоборот, это только провоцировало на драки. Драться мне приходилось часто.

Сейчас меня зовут Сигурд Фрейрссон, но чаще называют «господин» или «мой ярл».

Тогда меня называли Сиги Ведьмино Отродье, и я лез в драку каждый раз, когда слышал эти слова, на потеху всем остальным. Ни отца, ни братьев у меня не было, и только я мог защитить наше доброе имя. Мать же не обращала никакого внимания на сплетни, слишком занятая своими травами, лунными циклами и волшбой. Она принимала роды у женщин и лечила раненых, не делая исключений, и многие, кто за

глаза оскорблял её, потом оказывались в нашем доме, заискивающе глядя и умоляя о помощи.

Её звали Фрейя, и она действительно была ведьмой. В те времена мы жили в Дании, хоть она и была родом с самого севера Норрланда. Она никогда не говорила мне ни о своём отце, ни о моём, словно их не существовало, а на все мои расспросы отвечала хитрой улыбкой. Со временем я перестал спрашивать.

– Господин! – голос вырвал меня из воспоминаний.

Я поднял тяжёлый взгляд. Мальчишка собирал инструменты и хотел спросить разрешения уйти. Сумку он повесил на плечо, а в руках держал тазик с кровью. Я подозвал его слабым жестом, указал на тазик, указал вниз. Парнишка понял меня без слов и тут же поставил таз с кровью туда, где он и стоял.

Кровь была ещё тёплой. Я обмакнул палец, покатал по ладони каплю. С неё-то всё и началось. Почти семьдесят лет назад.

Глава 1.

С крови всё и началось. Удар. Красный всполох в глазах. И такая же красная кровь брызжет во все стороны, а я держусь за поломанный нос, запрокидывая голову назад, чтоб она быстрее остановилась.

Их трое. Смеются. Подловили меня в лесу, и никого поблизости. Заходят с трёх сторон, медленно. Хотят поглумиться, а не убить.

– Ну что, Сиги? Повторишь, что ты там говорил? – насмешливо тянет Бьярни. Старше меня на пару лет, широк в кости, высокий. Если бы не маленькие глазки, можно было бы назвать его красивым. Мозгов хватает на то, чтоб догадаться меня выследить за пределами деревни, но не более.

Дышу ртом, высохший язык ворочается с трудом, будто кит, выброшенный на берег.

– Я говорю, ты трусливая баба, раз нападаешь из кустов, – мой голос гнусавит так, что я сам его не узнаю.

Смеются. Не над словами, над тем, как я говорю. Я и сам бы смеялся, но сейчас чувствуется только злость, захлёстывающая через край.

– Бьярни, он ещё просит, – говорит Убби. Тощий и долговязый, руки длинные, издалека достанет.

– Точно, просит, – Виги хрустит костяшками пальцев. Этот опаснее всего. Кулаки у него что надо.

Один на один я побеждал каждого из них, но сейчас они, видимо, всерьёз задумали избить меня втроём. С тремя не так-то просто справиться. Хорошо хоть, нападать не спешат, побаиваются. Знают, с кем имеют дело.

Я сплюнул на землю, слюна повисла на подбородке. Враги только рассмеялись моей неуклюжести. Пусть смеются, пока ещё могут.

Они приближались медленно, я так же медленно пятился. Под ногами захрустел рассыпанный валежник, и мне представилось, будто это их кости. Я ухмыльнулся.

– Чего улыбишься, придурок? – Бьярни даже остановился.

Боится всё-таки. Даже держится от меня чуть дальше, чем остальные.

– Да так... Вспомнил, как обещал твоей мамаше сильно тебя не бить. Но раз уж вы втроём, то и я сдерживаться не буду, – ответил я.

– Ах ты, сукин сын!

Бьярни взревел и бросился на меня первым. Сыну херсира всё-таки стоило бы чуть больше пользоваться мозгами, но Бьярни не умел.

Я отскочил влево, уклонился от его кулака, сам ударил его в ухо, но тут меня попытался схватить Убби. Пришлось с размаха садануть его локтем под рёбра. Тот согнулся от боли, и я вырвался из его объятий, тут же добавляя ему по косматой голове.

Времени на раздумья не было. Я только разъярил их, да переместился так, чтоб враги стояли один за одним и мешали друг другу. Очень скоро они меня обойдут и навалятся втроём. Драться они всё же умели.

– По одному подходите, сволочи! – прохрипел я, сжимая кулаки изо всех сил. Воздуха сильно не хватало.

Второй раз приглашать не пришлось. Убби попробовал снова достать меня издалека, но Бьярни оттеснил его назад и снова пошёл в бесхитростную атаку. В этот раз отступить было некуда — сбоку и сзади густые заросли, из которых на меня и напали. Я закрылся локтями, попробовал ударить коленом — не вышло. Бьярни наседали, пытаясь ударить меня в лицо, по сломанному носу, сзади его подталкивали дружки, тоже стараясь достать меня, нагадить исподтишка, но только мешали своему лидеру.

– В рыло дай ему! Бьярни, руки выше держи! – оба лезли с непрошеными советами, а гордый Бьярни будто специально делал всё наперекор.

За то и поплатился.

Он хотел пробить в печень, и в этот момент открылся для прекрасного удара. А я такими возможностями не разбрасывался. Я ударил его головой в нос, возвращая долг. Хруст раздался на всю округу, а следом за ним — истошный вопль Бьярни, который отшатнулся прямо на руки дружкам. У меня от этого удара на мгновение потемнело в глазах, по лицу снова прошла волна боли, но внутри я искренне радовался.

– А-а-а! Он мне нос сломал! Сука! Нос сломал! Ведьмин ублюдок! – вопил Бьярни, практически повиснув на руках у Виги и Убби.

– Я тебе вообще все кости переломаяю, – сказал я.

Вся схватка длилась не больше минуты, но мне казалось, что прошла целая вечность. Я изо всех сил старался выровнять дыхание, но воздуха всё равно не хватало.

Убби и Виги переглянулись, отпустили кричащего дружка, и молча двинулись на меня.

Вот это уже было опасно. Теперь, когда и я им кровь пустил, будут драться до последнего. Я заметил на земле палку, быстро схватил и крутанул перед собой.

– Эй! – крикнул Виги.

– Это нечестно! – воскликнул Убби.

А втроём на одного — честно? Ждать в кустах, пока я собираю валежник, а потом ударить коленом в нос — честно? Я всего лишь уравнил шансы. Ничего объяснять я не собирался, лишь воспользовался их заминкой и сам бросился в бой.

Палка обрушилась на Убби, попала по руке, он не успел отдёргнуть свои загребушие лапы, раздался характерный хруст. Тут же попытался достать Виги, но этого ублюдка просто так не достать, он отскочил и набросился на меня сам, одной рукой пытаюсь вцепиться в оружие, а второй рукой выколачивая пыль из моих рёбер.

Я ударил Виги кулаком в ухо, но тот лишь мотнул головой, продолжая молотить по корпусу. Я чувствовал, как с каждым его ударом что-то ломается и трясётся внутри меня. Наконец, я изловчился, двинул ему коленом в пах и выскользнул из его объятий. Виги скорчился и упал на землю.

Палка отправилась в недолгий полёт, в кусты, а я, наконец, смог перевести дух. Поле битвы осталось за мной. Убби и след простыл, я видел, как он убегает, прижимая руку к груди. Виги лежал, катаясь по земле, по его щекам струились слёзы. Только Бьярни я упустил из виду, но этот мерзавец никогда не стыдился убежать с поля боя. Скорее всего, так он и поступил, отправившись жаловаться отцу или матери, как часто бывало раньше.

Бьярни Харальдссон поступил иначе и сумел дважды подловить меня. Он уполз в кусты и наблюдал, а когда я потерял бдительность и отвернулся — снова накинусь на меня сзади. Был бы умным — накинусь бы с кулаками, но Бьярни не был умён. Он прыгнул на меня, опрокидывая на землю, и мы оба повалились вниз, словно дерущиеся коты, осыпая друг друга проклятиями и тумаками.

Он был старше и крупнее, но ему не доставало ловкости, и вскоре я уже восседал на его груди и стёсывал кулаки о его зубы. Тот, в свою очередь, изо всех сил пытался вывернуться и сбросить меня, а когда понял, что это не удастся — протянул руки к моей шее и начал меня душить.

Сил почти не осталось. Я вцепился в его запястья, и это стало моей главной ошибкой.

Бьярни в тот же миг сбросил меня вниз и сам уселся на моей груди, продолжая сжимать моё горло. Я пытался разжать его хватку, но сил не хватало. В глазах стало темнеть, меня накрыла паника. Бьярни уже не шутил, он всерьёз хотел убить меня.

Я со всей силы попытался ударить его в уже сломанный нос, но Бьярни вовремя отшатнулся, и удар пришёлся на скулу, так что он не прекратил меня душить. Всё лицо его было в крови, только сверкали бешеные глаза, в которых я видел смерть.

Тогда я ударил его в висок.

Бьярни обмяк и повалился набок, а я наконец смог вдохнуть. Воздух прокатился по моему горлу обжигающей волной, начался приступ раздирающего кашля, безумно хотелось пить.

Я повернул голову. Бьярни лежал рядом, лицом вниз. Я не мог понять, жив он или мёртв, но в тот момент мне было без разницы. У меня не было сил даже пошевелиться. Послышался звук шагов. Я встрепнулся, собрался, но это был всего лишь Виги, ковыляющий к нам. Что-то в его виде подсказало мне, что драться он не станет, и я успокоился, но на всякий случай поднялся на ноги и отошёл, хоть и с превеликим трудом. Меня мутило и качало.

Виги скользнул по мне взглядом, видимо, понял, что я тоже не хочу продолжать, и сел на корточки рядом с товарищем. Бьярни лежал и не двигался.

– Ты... – тихо выдохнул Виги.

По коже пробежал холодок. Если я его убил...

– Поверни его, – прохрипел я и снова закашлялся.

Он повернул.

Бьярни ещё дышал. Норны приготовили ему судьбу похуже, чем смерть.

Его лицо, распухшее и сплошь залитое кровью, напоминало грубо вылепленную маску.

Из уха вытекала тонкая струйка крови. Я как-то ухитрился сломать ему височную кость.

– Колдун ебучий... – прошипел Виги.

Бьярни надо было срочно тащить в деревню, но я боялся, что мы не донесём и он умрёт по дороге. Выглядел он чересчур паршиво.

– В деревню его надо, – произнёс я.

– Не донесём, – возразил Виги. – Делай что-нибудь, ты же колдун!

Я вздохнул и сплюнул кровавые слюны в траву. Несколько зубов шатались.

– Никакой я не колдун, – ответил я.

Хоть я и нахватался от матери всякого, но всё равно терпеть не мог, когда меня так называли. Люди почему-то считали, что всё, что может она, могу и я.

Виги пробурчал что-то невнятное, но я догадывался, о чём он говорит. Наверняка называл меня лжецом и безродным ублюдком, и что я просто не хочу помочь человеку.

Но здесь я был бессилен. Даже мать не всякий раз бралась за лечение таких ран.

– Надо тащить, – сказал я, хотя не был уверен, что мы его сможем хотя бы поднять.

Виги снова выругался, но всё-таки послушал меня. Аккуратно взяли с двух сторон за руки, приподняли. Голова Бьярни мотнулась и запрокинулась назад, и мне пришлось придерживать его тупую башку другой рукой.

– Тяжёлый, собака, – произнёс Виги.

Я промолчал, экономя силы и дыхание. Мы наконец сумели поднять Бьярни, закинув его руки себе на плечи. Но едва сделав пару шагов, мы поняли, что это была так себе идея.

Бьярни был выше нас обоих, и его ноги волочились по земле, цепляясь за всё, что только можно. Нам не помешал бы третий носильщик, но Убби позорно сбежал.

Каждые несколько шагов мы останавливались передохнуть, потому что я не мог слишком долго идти, все мои мускулы ныли и просили пощады. Виги тоже шёл с

большим трудом. Приложил я его от всей души. Один только Бьярни висел на наших плечах, не прилагая усилий.

– Может... Кто-то из нас... За помощью... – просипел я, хватая воздух ртом, как выброшенная на берег рыба.

– Не... Близо уже... – ответил Виги.

Опушка леса и в самом деле была уже недалеко. А сразу за ней и деревня. И стоило нам только доковылять до окраины, как поднялся переполох. Ещё бы, мы оба с Бьярни залиты кровью, рваные рубахи измазаны грязью, Виги прихрамывает. Будто мы нарвались в лесу на тролля, или что-то в этом духе. Новость о том, что мы вынесли окровавленного Бьярни, распространялась как лесной пожар.

Люди мгновенно побросали свои дела, мужчины схватились за оружие. Никакой погони за нами не было, но жизнь научила этих людей осторожности.

– Что случилось?

– Он ранен?

– Кто это был?

Вопросы посыпались отовсюду. Кто-то наконец догадался помочь нам, Бьярни передали на руки трэллям. Бьярни тихо стонал, а значит, был ещё жив. Мы с Виги пошли рядом. Шаг за шагом мы приближались к дому Харальда Харальдссона по прозвищу Синяя Рубаха, и чем ближе мы подходили, тем яснее я ощущал нависшую надо мной угрозу. Бьярни был его единственным сыном, и я не мог даже вообразить, что со мной захочет сделать херсир. С другой стороны, я не чувствовал за собой никакой вины. Я был прав, и это признает любой.

Харальд Харальдссон вышел к нам навстречу, хмуро взглянул на сына, который по-прежнему висел безжизненной куклой на руках у трэллей.

– Несите в дом, – распорядился он.

– Нет, – просипел я. – Ему нужен воздух.

Горло будто по-прежнему сжимали чьи-то руки, говорить было трудно, и я скорее шептал, нежели говорил.

Херсир взглянул на меня так, будто уже почувствовал, что это моих рук дело. Трэлли на мгновение остановились, но тут же опомнились и понесли Бьярни в духоту и темноту длинного дома.

– Кто это сделал? – спросил Синяя Рубаха, переводя тяжёлый взгляд с меня на Виги и обратно.

– Я сделал, – ответил я. – Они напали из кустов. Втроём.

Виги, к его чести, кивнул и подтвердил мои слова.

– Моли всех богов, чтобы Бьярни выжил, – произнёс Харальд Харальдссон.

Я промолчал.

Моя мать появилась внезапно. Она выглядела так, будто её оторвали от какого-то очень важного занятия: волосы растрёпаны, плащ небрежно распахнут, холщовая сумка с

инструментами и лекарствами так и норовит сползти вниз с плеча. Она широкими шагами подошла ко мне, бегло осмотрела, резко схватила за нос и дёрнула. Я заорал от боли, в глазах снова потемнело, мать вложила мне в руку отрезок ткани.

– Кровь сам остановишь, – буркнула она и скрылась за дверью длинного дома.

Следом за ней вошёл и сам херсир. Я же нарвал ткань на полоски, скатал два рулончика и засунул в ноздри, шипя от боли. Они мгновенно пропитались насквозь, по лицу снова заструилась кровь. Настроение упало ещё ниже.

Я хмуро оглядел двор. Тут собралась целая толпа, ещё бы, такое зрелище, сам Бьярни Харальдссон наконец-то получил по заслугам. Люди возбуждённо шептались и делились самыми безумными предположениями. Я терпеть не мог это место и этих людей, поэтому просто пошёл домой.

Наша хижина стояла на самом отшибе. Почти что выселки, но и немудрено, учитывая репутацию матери. И пока я шёл, я замечал чужие взгляды, сопровождающие меня, заинтересованные, испуганные, порой даже враждебные. Что-то мне подсказывало, что спокойно жить здесь уже не получится.